

Для цитирования: Зорин В. А. Политическое лидерство в контексте реформы местного самоуправления в Челябинске: политико-психологический анализ // Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 55—68. DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-55-68.

УДК 316.46

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-55-68

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЧЕЛЯБИНСКЕ: ПОЛИТИКО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Зорин Василий Анатольевич,

Челябинский государственный университет,
заведующий кафедрой политических наук и
международных отношений,
кандидат политических наук, доцент.
Челябинск, Россия.
E-mail: vaszorin@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье содержится анализ политико-психологических профилей депутатов представительных органов местного самоуправления Челябинского городского округа.

Цель. Муниципальная реформа 2014 года, учредившая двухуровневую систему представительства, создала институциональные возможности для формирования новой модели политического лидерства. Исследование представляет собой попытку оценить политико-психологические показатели эффективности реформы.

Методы. В основе авторского подхода лежит совокупность политико-психологических методов: качественный контент-анализ, психобиографический анализ и метод фокусированного интервью (для описания образов политиков в массовом сознании).

Научная новизна исследования. Особенностью авторского подхода к изучаемой проблеме является понимание политического лидерства как комплексного феномена, сочетающего

в себе институциональный и политико-психологический уровни. Институциональные рамки изучаемого феномена определены муниципальной реформой. Психологические профили депутатов рассматриваются как индивидуальные траектории политического поведения, сформированные в результате адаптации индивидуально-психологических характеристик политиков к требованиям предусмотренной реформой роли депутата в политической системе.

Результаты. Полученные данные свидетельствуют о том, что в политико-психологических профилях изученных депутатов, в целом, отсутствуют характеристики, позволяющие им эффективно раскрывать заложенный в концепции реформы институциональный потенциал. Реформа открыла возможность для формирования новой модели политического лидерства, главными компонентами которой предполагаются:

- 1) расширение политического представительства;
- 2) повышение эффективности коммуникации между лидером и последователями;
- 3) деполитизация повестки. Проведенный анализ показал, что избранные по реформенной схеме депутаты на внутреннем уровне характеризуются ригидностью и воспроизводят инерционную модель политического поведения. На внешнем уровне их восприятие избирателями остается поверхностным и не имеет потенциала к оптимизации за счет выявленных в ходе исследования бессознательных параметров.

Выводы. За два электоральных цикла муниципальная реформа не привела к раскрытию лидерского потенциала депутатского корпуса. В этой связи перспективы продолжения использования данной модели представляются автору неочевидными.

Ключевые слова:

политическое лидерство, субэлита, реформа местного самоуправления, политическая личность, политико-психологический профиль, политическое восприятие, образ политика

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20—411—740004 «“Спящая реформа”: институциональные и психологические факторы трансформации муниципального политического лидерства в Челябинском городском округе».

Введение. Постановка проблемы

Изучение политического лидерства имеет длительную историю. Разграничение «лидерства» и «руководства» как понятий, характеризующих иерархическую структуру малых групп и организаций, было предложено в работах таких авторов, как Б. Басс, Р. Стогдилл и др.

Политическое лидерство как особая исследовательская проблема возникает в результате междисциплинарного синтеза на стыке политической науки и организационной психологии. Политология и активно развивающаяся в XX веке политическая психология делали акцент на важности понимания личностного фактора в анализе политического процесса (Дж. М. Бернс, М. Херманн, Д. Уинтер). Весомый вклад в изучение психологических особенностей политических лидеров внесли исследователи, ориентирующиеся на методологические принципы психоанализа (Х. Д. Лассуэлл, Дж. Д. Барбер, А. Джордж, А. Дэвис). В современной российской политической науке изучением политического лидерства занимались такие исследователи, как Е. Б. Шестопад, Е. В. Егорова-Гантман, Н. М. Ракирянский, Т. Н. Самсонова, И. И. Кузнецов и др.

Политическое лидерство в общем виде понимается нами как процесс неформального иерархического взаимодействия в больших социальных группах. Такое видение предмета позволяет сделать акцент на синтетической природе данного явления. Политические иерархии могут функционировать в виде формализованных институциональных структур, чьи полномочия закреплены теми или иными нормативными актами и встроены в систему органов государственной или муниципальной власти. С точки зрения теории лидерства в данном случае мы имеем дело с феноменом «руководства», который ограничивается формальным исполнением функций, приписанных тому или иному политическому институту неким внешним по отношению к нему источником власти (авторитета).

Категория «лидерство» предполагает неформальные властные иерархии и особый статус акторов в большой социальной группе, чьи полномочия опираются на поддержку последователей и делегированный ими потенциал влияния лидера на ход внутригрупповых процессов.

Таким образом, политическое лидерство представляет собой многомерный феномен, который демонстрирует то, как отдельные политические акторы (лидеры) выходят за

рамки своих формальных полномочий и трансформируют институциональные рамки властных структур. В нашем понимании, лидерство — это взаимосвязанный поиск возможностей для раскрытия потенциала властного института и субъекта полномочий, то есть допустимое в рамках конкретной политической системы творчество акторов, которое, в свою очередь, создает возможности для развития политической системы и открывает потенциал для совершенствования механизмов ее воспроизводства.

Научная новизна исследования обусловлена разработкой теоретической модели, основанной на сочетании двух уровней функционирования лидерства: институционального и психологического.

Мы понимаем институты как рамки возможностей, сообщающие актору границы и прескрипции индивидуальных стратегий политического поведения. Жесткость этих рамок определяется на институционально-нормативном уровне и является продуктом социально-политической инженерии. В целом же, институциональные ограничения политического лидерства зависят от множества факторов (социально-экономического и историко-культурного контекстов, характеристик последователей, специфики используемых каналов коммуникации и т.п.).

В этом смысле мы понимаем введенные в 2014 году принципы и механизмы формирования органов местного самоуправления в Челябинске (муниципальную реформу) как институциональную рамку, в пределах которой индивидуальные политические акторы (лидеры) формируют свои траектории поведения.

Психологический уровень исследования позволяет показать, как внутри институциональных рамок происходит формирование специфической модели политического лидерства. Мы исходим из того, что исполнитель роли муниципального депутата вносит в нее собственную внутреннюю мотивацию и приспособливает формальные требования к своему видению политического пространства, пониманию своей миссии, политическим идеалам, ориентирам и ценностям.

Для концептуализации местного (локального) политического лидерства мы используем категорию «субэлита», которая относительно слабо представлена в современной российской политической элитологии [11]. Вместе с тем, данное понятие имеет четкие содержательные рамки и может быть обозначено как средняя страта политического класса, что позволяет, с одной стороны,

отделить данную категорию от «массы» (неполитического класса), и, с другой стороны, указывает на ее принципиальные отличия от «элиты» в строгом научном понимании (как высшей страты политического класса). Такой подход согласуется с современными российскими элитологическими концепциями, изложенными в работах О. В. Гаман-Голутвиной [5] и других авторов.

В 2014 году на территории г. Челябинска был реализован федеральный «пилотный» проект реформирования системы местного самоуправления, в результате которого была сформирована двухуровневая система представительных органов: депутаты Челябинской Городской Думы делегируются в ее состав из числа избранных на прямых выборах депутатов районных Советов. Это проект также реализован еще в двух административных центрах субъектов РФ (Самаре и Махачкале).

Концепция реформы предполагала, прежде всего, изменение системных принципов взаимодействия власти и гражданского общества. Районные депутаты, помимо выполнения функций представительной власти, получили возможность создать новый политический феномен, суть которого можно определить следующим образом — представитель власти, не оторванный от народа, и существующий в тесном взаимодействии с ним. Без этой смысловой и идеологической нагрузки муниципальная реформа 2014 года представляется нам формальным экспериментом, связанным с желанием отдельных представителей региональной элиты продемонстрировать лояльность федеральному центру.

Так или иначе, за два срока своих полномочий районные депутаты накопили опыт работы в новых условиях и протестировали предложенную им институциональную рамку, методом проб и ошибок выявив ее потенциал. На наш взгляд, политико-психологический инструментарий может дать возможность увидеть реальный результат реформы в виде сформировавшихся особенностей личностных психологических профилей депутатов и тенденций восприятия их в сознании избирателей.

Эффективность новой системы, таким образом, может быть определена при условии обнаружения среди представителей корпуса районных депутатов следующих признаков:

- «близость» к избирателю: тесные коммуникационные форматы с использованием как современных информационных технологий, так и классических

средств обеспечения открытости (общественные приемные, встречи с избирателями и т.п.), реальная открытость и доступность для рядового избирателя, готовность «оказывать услуги» в вопросах взаимодействия с органами власти, жилищно-коммунальными организациями и иными управленческими структурами;

- усиление качества политической репрезентации через реальное привлечение в работу муниципальной власти недостаточно представленных социальных категорий (женщины, молодежь, представители бюджетной сферы, активисты-общественники), преодоление негативного восприятия городского депутатского корпуса как «закрытого клуба» бизнесменов, преимущественно из сфер ЖКХ и строительства, использующих свой политический статус для решения вопросов по основному виду деятельности;
- «деполитизация повестки» или погружение депутатов в реальные проблемы избирателей на уровне первичных потребностей, уход от популизма и иных форм политической активности, целеполагание которых связано с борьбой за власть как таковую к реализации сервисной модели, предполагающей, что народный избранник должен, прежде всего, быть полезен избирателю как субъект, способный решать каждодневные текущие вопросы, быть своего рода защитником интересов и провайдером различного рода услуг.

Таким образом, **целью нашего исследования** является выявление психологических особенностей политических лидеров местного уровня как специфической рекрутационной социальной группы, занимающей субэлитное положение в структуре современного российского политического класса, на основе изучения эмпирических данных, характеризующих депутатов представительных органов внутригородских районов, входящих в состав Челябинского городского округа в контексте проведенной в 2014 году реформы местного самоуправления.

Методология составления политико-психологического профиля лидера

В структуре политического лидерства особое место занимает такой его компо-

нент, как личность лидера. В современной российской политической психологии центром изучения психологии политических лидеров себя зарекомендовала кафедра социологии и психологии политики Московского государственного университета под руководством Е. Б. Шестопаля [3]. Для нашего исследования особую актуальность имеет проведенное коллегами исследование современной российской политической элиты [10], в котором был поставлен вопрос о наличии общих психологических характеристик в группах политических лидеров, занимающих близкое положение в политической системе. В рамках нашего проекта был осуществлен политико-психологический анализ личностных особенностей ряда муниципальных депутатов районных Советов г. Челябинска.

Понятие «политико-психологический профиль» [8] предполагает рассмотрение изучаемого феномена на двух уровнях. Первый — «внутренний» — это более устойчивые характеристики, отражающие аутентичные психологические свойства и состояния личности, актуальные для политики, существующие независимо от общественного сознания и становящиеся объектом отражения в нем. Второй уровень — «внешний» — содержит в большей степени мобильные, изменчивые характеристики личности, которые можно обнаружить лишь непосредственно в сфере общественного сознания.

«Внутренняя сторона» политико-психологического профиля содержит три основных компонента: когнитивный, аффективный и поведенческий. Данное представление о структуре личности широко распространено в политической психологии. Например, в работе А. Ф. Дэвиса [16] эти компоненты определяются как «взгляды», «страсти» и «навыки». Дж. Д. Барбер [13] разработал свою теорию личности, которая предполагает наличие также трех основных компонентов: «мировоззрения», «характера» и «стиля».

«Внешняя сторона» политической личности — это те качества и характеристики, которые не содержатся в психодинамических структурах и приписываются лидеру обществом. К таковым относятся, прежде всего, базовые параметры субъективных оценок: привлекательность, сила и активность. С помощью этих шкал, лежащих в основе «семантического дифференциала» Ч. Осгуда, мы интерпретируем как рациональные, так и бессознательные оценки, составляющие образ лидера. Методика изучения образа политика создана Е. Б. Шес-

топал [3] и в настоящий момент опирается на большой объем эмпирических данных и стандартов их интерпретации.

Кроме того, важно отметить, что методика данного исследования основана на принципах дистантной оценки личности политика [20]. Противопоставление дистантных и контактных методов основано на принципиальных ограничениях политической психологии: если анализ личности в клинической психологии основан на непосредственном контакте объекта и субъекта исследования, то политический психолог, в силу специфики объекта изучения, вынужден оперировать «вторичными» данными. То есть мы исходим из понимания того, что личностные качества находят отражение в некоторых материальных носителях, которые доступны для исследователя и имеют эвристическую ценность как источники информации об актуальных личностных характеристиках изучаемого объекта.

Таким образом, для решения поставленных нами задач применялись следующие политико-психологические методы:

- качественный контент-анализ авторских текстов [20] (выявление в текстах смысловых образов, связанных с выбранными для анализа переменными — когнитивными, аффективными и поведенческими характеристиками политических лидеров, в результате чего появляется возможность для выражения политико-психологического профиля субъекта в виде количественных значений отдельных признаков);
- фокусированные интервью для выявления образов политиков в массовом сознании [3] (оценка основных параметров образа политика с помощью методики Е. Б. Шестопаля [3], предполагающей выделение в его структуре рационального и бессознательного уровней и анализ содержательных характеристик с помощью трех шкал: «сила-слабость», «активность-пассивность» и «привлекательность — непривлекательность»);
- психобиографический анализ [7; 13; 17] (интерпретация биографических данных с помощью эксплицитных психодинамических теорий, выделяющих ключевые факторы процесса формирования личности в контексте социализации и адаптации к требованиям социального окружения субъекта).

Структура «внутренней стороны» политико-психологического профиля лидера содержит следующие компоненты [10],

которые будут оценены с помощью указанных выше методов исследования:

I. Аффективный компонент:

- мотивы (власти / достижения / аффилиации);
- самооценка (высокая / низкая);
- «Я-концепция» (сложная / простая).

II. Когнитивный компонент:

- политические ценности (этатизм / антиэтатизм, равенство / свобода, этноцентризм / космополитизм);
- операциональный код (дружественный / враждебный, оптимизм / пессимизм, глобальный / ограниченный, воля / случай).

III. Поведенческий компонент:

- общая направленность личности (экстраверсия / интроверсия);
- ориентация на социальное доминирование (высокий / низкий уровень);
- стиль лидерства (агитатор / администратор / теоретик).

Образ («внешняя сторона» личности) политика изучался в соответствии с классической методикой, разработанной Е. Б. Шестопал [3]. Респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы:

- Знаете ли вы этого человека?
- Что вам нравится в этом человеке? Почему?
- Что вам не нравится в этом человеке? Почему?
- Как вы думаете, зачем этому человеку нужна власть?
- Стали ли бы вы голосовать за него на ближайших выборах?
- С каким животным ассоциируется у вас этот человек?
- С каким цветом ассоциируется у вас этот человек?
- С каким запахом ассоциируется у вас этот человек?

Первые пять вопросов были направлены на выявление рациональных оценок, последние три — бессознательных. Гипотеза о противоречии рациональных и бессознательных оценок лидера является одной из концептуальных основ данного исследования.

Реакции респондентов были представлены в виде открытых ответов, которые впоследствии кодировались в соответствии с тремя основными шкалами оценок:

- привлекательность — непривлекательность;
- сила — слабость;
- пассивность — активность.

По шкале привлекательность-непривлекательность оценивалось соотношение

положительных и отрицательных оценок и специфика тех качеств, которые называли респонденты. Оценки различались по объекту:

- внешние (одежда, манера поведения);
- телесные (здоровье — болезнь, телесная комплекция, вредные привычки, возраст, темперамент, физическая привлекательность);
- психологические (характер, отдельные черты);
- моральные;
- политические, профессиональные и деловые.

Бессознательные оценки привлекательности выявлялись через ассоциации с животными, цветами и запахами.

Оценки по шкалам сила — слабость и активность — пассивность выявлялись через доминирующие тенденции в рациональных оценках и свободные ассоциации с животными, цветами и запахами — в бессознательных.

Эмпирическая база исследования

Для реализации эмпирического исследования была отобрана группа из 15 депутатов районных Советов города Челябинска. Критерии включения в нее:

- представительство всех 7 районов;
- сочетание депутатов от «Единой России» (большинство депутатов во всех районных Советах) и представителей оппозиции;
- наличие как опытных (условно «дореформенных») депутатов, так и новых лиц;
- наличие депутатов, делегированных в Челябинскую Городскую Думу, и тех, чьи полномочия ограничены работой только в районном Совете, а также депутатов, занимающих руководящие должности в районных Советах.

Политико-психологический профиль каждого из 15 депутатов был составлен на основании эмпирических данных:

- биографические данные, авторские тексты, личные аккаунты в социальных сетях — для выявления характеристики «внутренней стороны» политической личности депутата;
- сведения о социально-демографическом статусе кандидатов, указанные ими при выдвижении на муниципальных выборах в г. Челябинске в 2009, 2014 и 2019 годах;

- 60 фокусированных интервью для каждого депутата с избирателями, прописанными на территории соответствующего округа по выборам депутатов районного Совета.

Включенные в исследовательскую выборку депутаты входят в составы представительных органов следующих муниципальных образований: Калининского района (А. Н. Галкин, Э. Р. Гильмутдинов), Курчатовского района (В. Р. Давлетханова, С. И. Селешук), Ленинского района (И. Р. Бахтеев, А. В. Рябенко), Металлургического района (В. В. Корнев, А. Е. Четвернин), Советского района (А. В. Бодрягин, О. В. Боярская, С. В. Найденов), Тракторозаводского района (Э. М. Габайдуллина, А. Н. Павлюченко), Центрального района (Л. А. Демчук, Р. В. Никитин).

Результаты исследования. Социально-демографические параметры депутатского корпуса

Перед тем как перейти к анализу политико-психологических профилей муниципальных депутатов, приведем некоторые социально-демографические параметры, характеризующие депутатский корпус целиком и динамику их изменений в сравнении с дореформенными значениями [4].

В гендерном отношении реформа не дала значимых результатов. Представительство женщин среди кандидатов менялось крайне незначительно: с 20 % в 2009 г., до 22 % — в 2014 г. и 24 % — в 2019 г. Этот показатель становится еще меньше, если мы рассмотрим долю женщин среди избранных депутатов районных Советов (16 % в 2014 г. и 15 % в 2019 г). Таким образом, реформа не заложила тенденцию к гендерному равенству. Представительство женщин в депутатском корпусе осталось на низком уровне. В качестве действенного механизма преодоления этой проблемы, предусмотренного в реформе институционально, выступила процедура делегирования депутатов в Челябинскую Городскую Думу из числа избранных депутатов районных Советов. Причем, очевидно, что этот механизм может работать и в другом направлении, что не позволяет сделать однозначный вывод о его позитивном влиянии на гендерное выравнивание политического класса. В сформированной в 2014 г. Челябинской Городской Думе оказалась лишь одна женщина-депутат (М. Карелина), в 2019 этот показатель увеличился до 7 (то есть с 2 до 14 % от общего численного состава). Однако же, тенденция сохраняется: по мере увеличения

политического статуса категории мера представительства женщин сокращается.

Реформа не повлияла на роль высшего образования как нормативной позиции для муниципального депутата (95 % в 2009 г. 98 % — в 2014 г. и 96 % — в 2019 г). Доля кандидатов, не имеющих высшего образования, также не изменилась значительно в процессе реформы, составив 31% от общего числа выдвинутых всеми субъектами избирательного процесса в 2019 году. В дореформенном 2009 году такой образовательный статус имели 27 % претендентов на депутатский мандат.

Также незначительным оказалось влияние реформы на такой параметр как должность депутата (в 2009 г. — Челябинской Городской Думы, в последующие годы — районных Советов) по основному месту работы. Доминирующей категорией осталась «руководитель высшего звена», значения которой менялись следующим образом: 86 % в 2009 г., 79 % — в 2014 г., 78 % — в 2019 г. «Рядовые сотрудники» различных организаций и предприятий в 2019 г. составили лишь 12 % от общего количества муниципальных депутатов во всех семи районах Челябинска.

Описание политико-психологических профилей муниципальных депутатов

Для включенных в нашу выборку муниципальных депутатов Челябинского городского округа, как правило, характерно преобладание следующих значений основных переменных, формирующих структуру политико-психологического профиля.

Аффективный компонент

• Мотивация.

Наиболее характерный для изученных нами муниципальных депутатов мотивационный профиль предполагает доминирование мотива достижения. Такая характеристика в контексте психологического профиля политического лидера предполагает, прежде всего, ориентацию на дисциплину, исполнительность и лояльность властной иерархии. Для политиков с сильно развитым мотивом достижения исполнение той или иной роли в системе может быть связано с карьерными амбициями и стремлением проявить профессиональные качества управленца в той или иной сфере.

Мы полагаем, что предусмотренный концепцией и духом реформы формат лидерства предполагает, что мотив достижения должен быть выражен на среднем уровне.

Наиболее благоприятной комбинацией мотивов в психологическом профиле могло бы быть сочетание мотивов власти и аффилиации, то есть наличие внутреннего стремления брать на себя ответственность, противостоять инерционной логике функционирования институтов, бороться за повышение собственного статуса в иерархии, но при этом быть достаточно гибким, ориентироваться на общественное мнение, проявлять на высоком уровне коммуникативную компетентность.

Среди политико-психологических профилей рассмотренных нами депутатов мы не обнаружили ни одного с таким сочетанием.

• **Самооценка и когнитивная сложность.**

Самооценка — это параметр, определяющий устойчивость и стабильность эмоциональных реакций на происходящие события. Высокая самооценка формируется как следствие конгруэнтности амбиций лидера и субъективного восприятия собственных достижений в политическом пространстве. Низкая самооценка — источник тревожности и основная предпосылка запуска компенсаторной динамики в целеполагании. Для нас важно понимать, как уровень самооценки сочетается с когнитивной сложностью, которая имеет значение не только как показатель способности субъекта преодолевать ограниченность «черно-белого» мышления, но и как фактор, связанный с коммуникативной компетентностью.

Наша гипотеза состояла в том, что предусмотренная реформой роль в наибольшей степени могла бы быть дополнена такими характеристиками, как сочетание высокой самооценки и низкой когнитивной сложности. Такой паттерн предполагает относительно высокий уровень личной автономии, способность выходить из-под влияния большинства, ориентироваться на собственный опыт, основанный на достаточно жестких внутренних стандартах состоятельности. Кроме того, низкая когнитивная сложность, на наш взгляд, является благоприятной чертой для муниципального депутата, так как позволяет эффективно концентрировать усилия на повседневной повестке и не провоцировать разногласия с последователями (избирателями) по поводу идеологически значимых позиций.

Такое сочетание признаков в изученном нами массиве данных встретилось всего в двух случаях (Р. Никитин и А. Четвернин). Как правило, для большинства их коллег характерен профиль, в котором присутствуют низкая самооценка и высокая сложность

«Я-концепции», что в логике политико-психологического анализа может быть рассмотрено как предпосылка к излишней конформности, зависимости от вышестоящих авторитетов и постоянному компенсаторному давлению.

Когнитивный компонент

• **Ценности.**

Политические ценности в субэлитной страте муниципальных депутатов, безусловно, могут и должны быть разнообразными, что связано как с их партийной принадлежностью, так и со спецификой текущей социально-политической повестки. Однако, ролевые прескрипции, о которых мы ведем речь в данной статье, на наш взгляд, делают наиболее конгруэнтными такие параметры ценностного профиля, как «антиэтатизм» (способность посмотреть на возникающие проблемы со стороны общества, а не государства; реальных потребностей людей, а не бюджетных правил и ограничений), «равенство» (защита интересов локального сообщества, отстаивание его права на более или менее равномерное участие в распределении общих ресурсов) и «космополитизм» (как антитеза «этноцентризму» в смысле общедоступности и отказа от жесткого разделения социального окружения на «чужих» и «своих»).

Несмотря на то, что этот компонент политико-психологического профиля является одним из наименее нормативных в контексте изучаемой нами муниципальной реформы, все же отметим то обстоятельство, что описанный выше ценностный профиль нам встретился всего один раз (у В. Корнева), как правило депутаты демонстрируют высокий уровень этактистских установок, то есть рассматривают себя и свою роль, скорее, как компонент политической системы, ее важный функциональный механизм, а не как «агента» гражданского общества.

• **Операциональный код.**

Данный блок переменных, связанных с формальной стороной когнитивной сферы политика, также характеризуется высокой степенью вариативности и, вероятно, в меньшей степени нормативен. Однако, несколько его компонентов все же можно рассмотреть, как достаточно благоприятные признаки для формирования модели лидерства в высокой степени конгруэнтной предусмотренной реформой концепции. На наш взгляд, муниципальный депутат как своего рода посредник в отношениях между гражданами и политическим классом должен сочетать в себе такие элементы операционального кода, как дружелюбность, опти-

мизм, ориентацию на «волю» и ограниченный характер целей. В той или иной степени эти элементы присущи многим из изученных нами депутатов, однако полное соответствие не выявлено ни в одном случае. Чаще всего расхождение с описанной выше моделью возникает вследствие появления в политико-психологическом профиле депутата таких признаков, как враждебность и глобальность целеполагания.

Поведенческий компонент

• Экстраверсия / интроверсия и ориентация на социальное доминирование.

Наиболее благоприятной комбинацией этих признаков в изучаемом нами контексте является сочетание экстраверсии с отсутствием явно выраженной ориентации на социальное доминирование, то есть заинтересованности в других людях, внешней среде с низким уровнем авторитарности, под которой мы в данном случае понимаем лояльность властной иерархии, готовность директивно управлять и, в то же время, покорно подчиняться вышестоящим авторитетам. Такой поведенческий паттерн выражается в отсутствии явно выраженных личных статусных амбиций, готовности развиваться именно в данной роли, в ориентации на сотрудничество как предпочтительную тактику, готовности к переговорам и компромиссам, желании быть в центре событий, но при этом не навязывать окружающим правила и стандарты поведения.

Такое сочетание поведенческих особенностей характерно для достаточно значительной группы изученных нами депутатов (В. Давлетханова, Л. Демчук, С. Найденов, С. Селешук).

• Стиль лидерства по Х. Д. Лассуэллу [7].

Предложенная Х. Д. Лассуэллом типология политических лидеров рассматривается нами как синтетическая переменная, обобщающая поведенческий компонент психологического профиля политика. В контексте реформы, как нам представляется, важна способность муниципального депутата инициировать прямой контакт с последователями и публично выражать свои идеи, то есть демонстрировать то, что в указанной выше типологии соответствует категории «агитатор». Вместе с тем, очевидно, что большинство рассмотренных нами политиков, скорее, являются «администраторами», что, впрочем, характерно и для других элитных страт, как на региональном, так и на федеральном уровне [10]. Достаточно ярко агитаторские признаки мы видим в психологических профилях трех де-

путатов: В. Давлетхановой, С. Найденова и Р. Никитина.

Положительные качества в образах депутатов

В целом, депутаты представительных органов местного самоуправления характеризуются относительно низким уровнем узнаваемости. Гипотеза о «тесном контакте» между ними и избирателями, таким образом, не подтверждается.

Главными аспектами образов депутатов, вызывающими положительное отношение респондентов, остаются внешние и телесные качества политиков. Такая тенденция, на наш взгляд, обусловлена двумя факторами. Во-первых, поверхностным характером данного аспекта образа, который отвечает за первичный уровень восприятия и, как правило, предшествует формированию в сознании избирателей оценок, характеризующих более сложные и глубокие компоненты образа (моральные, психологические, деловые и политические качества). Во-вторых, на полученные нами результаты влияет и специфика исследовательской методики, которая предполагает использование фотографии политика в качестве стимульного материала, призванного вызвать как рациональные, так и бессознательные вербальные реакции.

Далее мы приведем примеры наиболее показательных рациональных оценок, отмеченных нами в образах депутатов:

- внешних качеств;

«Он достаточно респектабельно выглядит, симпатичный» (С. Найденов);

«Нравится то, что он в галстуке, в белой рубашке, отглаженный, аккуратный, красиво причесанный» (А. Галкин);

«Милое лицо, улыбка приятная» (Л. Демчук).

- морально-психологических качеств;

«Прежде всего, мне нравится её исполнительность. Это человек дела. Что ей скажешь, она всегда выполнит» (Э. Габайдуллина);

«Это добрая и отзывчивая женщина» (В. Давлетханова);

«У человека есть амбиции, есть желание сделать что-то хорошее» (Л. Демчук).

- политических и деловых качеств;

«Детям елку ставит все время, тропинку сделал, асфальт сделал. И мы ходим теперь не по грязи» (Э. Гильмутдинов);

«Хороший человек, откликается на каждую просьбу наших граждан, уверенно решает все насущные проблемы» (И. Бахтеев);

«Он активно посещал, когда я учился в школе, наше заведение. Помогал школе, проводил различные мероприятия, я помню» (А. Четвернин).

- силы;

«Судя по возрасту, имеет большой опыт и представление о жизни. Возможно, хочет что-то поменять, улучшить» (В. Давлетханова);

«Нравится, что он пытается улучшить наш район» (Р. Никитин);

«Уверенный взгляд, чувствуется какая-то сила, как будто он что-то может реально» (С. Селещук).

- активности.

«Мне нравится, что это человек молодой и в её взгляде видно, что она полна энергии и сил для каких-то дальнейших перспектив» (О. Боярская);

«Он много сделал для нашего двора. Приятный парень, детей любит» (Э. Гильмутдинов);

«Хорошо курирует район, занимался фонтаном, когда воды не хватало. Он сделал скважину, чтобы наполнять пруд водой. Ему, возможно, повезло, что были выделены средства для благоустройства» (А. Рябенко).

Негативные качества в образах депутатов

В соответствии с той же тенденцией, о которой шла речь при описании позитивных сторон образов депутатов, нами, прежде всего, отмечается относительно поверхностный уровень политического восприятия представителей депутатского корпуса. Важное отличие состоит в том, что большую роль в массиве негативных оценок начинают играть такие параметры как «политические качества» и «слабость». Для нас очевидно, что данная тенденция сформировалась как следствие вмешательства институционального фактора, а именно скептического, если не сказать более — негативного, отношения избирателей к политическому классу как таковому и, соответственно, к муниципальным депутатам как его представителям. Таким образом, заложенная в концепцию реформы интенция на формирование субэлитной группы, свободной от негативной внегрупповой категоризации (то есть не воспринимаемой в качестве чуждой), вероятнее всего, на практике не оказалась реализованной, и корпус муниципальных депутатов районного не уровня не стал для основной массы челябинцев близкой по духу и статусу группой, обеспечивающей связь между разными уровнями

политической иерархии.

Среди наиболее ярких и показательных негативных оценок в изученных образах депутатов на рациональном уровне восприятия мы можем выделить следующие:

- внешние качества;

«Хитрость в лице» (Э. Габайдуллина);

«Наряд какой-то несовременный, ну знаете, в полосочку пиджак» (А. Четвернин);

«По-моему, фотография показушная... зря он взял ручку» (В. Корнев).

- морально-психологические качества;

«Наглое выражение лица» (С. Селещук);

«В его взгляде чувствуется какая-то неуверенность» (А. Четвернин);

«Здесь я вижу все-таки наигранный настрой, видно, что человек идет на этот пост с неискренними целями» (А. Галкин).

- политические и деловые качества;

«Это же депутат, а депутаты мне в принципе не очень нравятся» (Э. Габайдуллина);

«Ничего не делает, вот видите двор? Когда он его сделает, тоже не понятно. Вот дорога, вот яма. Я живу четвертый год и четвертый год эта яма» (С. Селещук);

«Не нравится то, что он, как я подозреваю, из «Единой России» (С. Найденков).

- слабость;

«Политическая амёбность. Ничего не смог сделать» (Э. Гильмутдинов);

«Они обещают, а после выборов они про нас забывают. Это к любому депутату относится» (В. Давлетханова);

«Разговорчивый, только одно ля-ля-ля и показуху кидает в инстаграмах» (А. Рябенко).

- пассивность.

«Пока сложно сказать. Пока не начала работать и выполнять какие-то обязательства» (Э. Габайдуллина);

«Он действующий депутат? Тогда мне ничего не нравится в нем, потому что он себя никак не проявляет, поскольку нигде не слышно и не видно ничего» (А. Четвернин);

«Не нравится, что я не знаю ничего о его работе» (Р. Никитин).

Атрибуция мотивации стремления депутатов к власти

В дополнение к указанным выше рациональным параметрам образов депутатов, наши данные содержат результаты атрибуции специфических мотивов к их политической деятельности, выявленные нами качественным образом путем кодировки ответов респондентов на вопрос о том, зачем, по их мнению, тому или иному депутату нужна власть.

Далее мы расположим полученные оценки в порядке убывания их значимости, сопровождая каждое выявленное значение цитатами из интервью (методика кодировки допускала присвоение более одного признака, поэтому сумма процентов превышает 100):

• **«власть ради денег» (38 % общего количества оценок):**

«Карманы набить. Они все этого хотят» (А. Галкин);

«Им нужна не власть, а деньги. Они работают только за деньги» (В. Давлетханова).

«Власть — это деньги и прочие удовольствия» (С. Селещук)

• **«власть для самореализации» (31% общего количества оценок):**

«Ну чтобы, наверное, продвигаться по карьерной лестнице» (И. Бахтеев);

«Может быть, хочет самоутвердиться в жизни. Какие-то свои жизненные позиции воплотить. Может быть, какие-то проекты у неё в будущем есть» (Э. Габайдуллина);

«Может, хочет что-то изменить. Надо дать дорогу молодым. Пусть молодые начинают активно воплощать свои идеи» (Э. Гильмутдинов).

• **«власть для дела» (23 % общего количества оценок):**

«Я думаю, что это один из тех людей, которые действительно идут во власть не за деньгами, а просто для того, чтобы сделать жизнь народу лучше» (А. Бодрягин);

«Думаю, что он просто добрый и ему хочется помочь людям» (Р. Никитин);

«Как они всё обещают, дома новые построить, детские сады открыть, школы, пенсионный возраст сделать обратно, как было. Помочь людям» (А. Павлюченко).

• **«власть ради власти» (17% общего количества оценок):**

«Ну, есть такие люди, властелины. Им нужна власть, они хотят выделиться» (О. Боярская);

«А кому она не нужна? Если бы у меня было что-то в голове, то я тоже хотела быть властью» (Э. Гильмутдинов);

«Власть всем нужна. Все стремятся к власти. Все депутаты. Им нужна только одна власть. Больше ничего» (А. Павлюченко).

• **«власть не нужна» (8% общего количества оценок):**

«Посадил его кто-то на этот пост, я думаю. Вряд ли он сам заинтересован» (Э. Гильмутдинов);

«Видимо, не из самых лучших побуждений, раз она ничего не делает. Просто занимает

свою должность и получает свои деньги» (В. Давлетханова).

Бессознательные компоненты образов депутатов

В целом для образов муниципальных депутатов г. Челябинска характерна конгруэнтность рациональных и бессознательных аспектов. Учитывая нечеткий и поверхностный характер образов на рациональном уровне, специфика ассоциативных образов позволяет дифференцировать включенных в наше исследование политиков по критерию их лидерского потенциала. В логике исследований политического восприятия [3] наличие позитивных характеристик на бессознательном уровне может и должно рассматриваться как показатель готовности респондентов к формированию положительных установок в отношении того или иного политика. К числу таких параметров мы относим, прежде всего, ассоциации с крупными и сильными животными, выполняющими ролевые функции «охотника» или «хозяина», светлыми и теплыми цветами, а также приятными и естественными запахами. В то же самое время, наличие в бессознательных оценках образа политика таких признаков, как ассоциации со слабыми животными, чья ролевая модель может быть описана как «жертва», «слуга» или «хранитель норы», а также с тусклыми и холодными цветами, неприятными и техногенными запахами говорит о высокой вероятности существования устойчивых барьеров восприятия, влияние которых препятствует установлению между политиком и его избирателями такой формы взаимодействия, которая предполагала бы поддержку и энтузиазм.

В целом, среди изученных депутатов мы не выявили тех, кому можно было уверенно приписать перспективы позитивной коррекции образа вследствие наличия тех или иных характеристик на бессознательном уровне восприятия.

Обсуждение результатов и выводы

Муниципальная реформа, реализованная в 2014 году в Челябинске, Самаре и Махачкале, была призвана раскрыть потенциал местного самоуправления как низового (grass root) основания демократии в условиях сохранения базовых характеристик российской политической системы. Иными

словами, через активное вовлечение граждан в решение вопросов местного значения предполагалось открыть многочисленные окна возможностей для инициативных людей, направив их энергию на повышение благополучия локальных сообществ, тем самым минимизировав их вовлеченность в протестную активность.

Наша позиция состоит в том, что именно изменение на качественном уровне, эмпирическим референтом которых является обновление политико-психологических характеристик муниципальной субэлиты, может считаться показателем успешности проведенной реформы. В данном случае нашей исследовательской задачей был поиск ответа на вопрос о том, насколько полно был реализован заложенный в концепцию реформы институциональный потенциал. В формальном отношении новая структура органов местного самоуправления в Челябинске была создана и, так или иначе, продемонстрировала свою жизнеспособность. Однако, реальным оправданием необходимости продолжить эксперимент является не сам по себе факт «выживания» институтов, а их соответствие изначально целеполагающей «валидность» полученных в результате такого «эксперимента» данных.

Актуальность полученных нами результатов определяется приближением 2024 года, когда истекут полномочия действующих составов районных Советов депутатов и, на наш взгляд, неизбежно в очередной раз встанет вопрос о целесообразности продолжения функционирования системы местного самоуправления в Челябинском городском округе в формате, учрежденном в 2014 году. Именно сохранение восприятия двухуровневой системы как новой и экспериментальной в риторике самих депутатов и вербальных реакциях избирателей является главным основанием для вывода о том, что внедренная реформой конструкция не дала ожидаемого положительного эффекта. Речь идет о том, что формальные изменения системы местного самоуправления не были дополнены изменениями содержательными, существенными.

Типичный образ депутата районного Совета как человека, находящего на расстоянии вытянутой руки от своих избирателей, погруженного в их реальные повседневные проблемы и при этом представляющего социальные категории, для которых более высокие уровни политической иерархии, как правило, недоступны, оказался скорее гипотетическим конструктом, чем реальным результатом реформы. Причем наши данные

свидетельствуют о том, что это несоответствие имеет, как минимум, два измерения: «внутреннее» и «внешнее».

С одной стороны, в психологических профилях самих депутатов мы видим диспозиции, предполагающие ориентацию на лояльность существующей властной иерархии и иные качества профессиональных политиков (чиновников), для которых статус и полномочия депутата являются, прежде всего, ресурсом для достижения собственных целей в парадигме карьерного роста или продвижения бизнес-интересов. Кроме того, мы явно отмечаем и другой типичный паттерн, сформированный благодаря очевидно существующей практике создания так называемых «депутатских пулов», то есть управляемых команд, в состав которых по инициативе и за счет лидера включаются фигуры, лишенные самостоятельной политической субъектности и в силу этого однозначно неспособные органично чувствовать себя в предусмотренной концепцией реформы роли.

Личностные профили, адекватные образу субэлитного рекрутационного активиста, связывающего локальное сообщество и политический класс, нетипичны и выглядят как исключение из общего правила. Суть которого в том, что реформа, скорее всего, не смогла сформировать из корпуса муниципальных депутатов нечто принципиально новое. В этом смысле можно сказать, что «спящий институт» [4] не вышел из своего базового состояния, и до сих пор характеризуется прежде всего нереализованным потенциалом.

Вторая сторона проблемы обнаруживается при анализе образов муниципальных депутатов в массовом сознании. Наши респонденты, как правило, плохо знают своих избранных, судят об их личностных и политических характеристиках на крайне поверхностном уровне и не выделяют из общего субъектного ряда власть имущих. Иными словами, наше исследование не выявило оснований для уверенного суждения о том, что челябинцы в своей массе смогли разглядеть в муниципальном депутатском корпусе некую принципиально новую сущность, открывающую перед ними ранее недоступные возможности влиять на власть или хотя бы выстраивать с ней относительно эффективную коммуникацию.

Таким образом, перспективы «пробуждения» потенциала двухуровневой системы местного самоуправления в Челябинске представляются нам маловероятными. «Спящий институт» не раскрывается в силу

разных факторов, системный анализ которых выходит за рамки данного исследования. Политико-психологическая перспектива, на наш взгляд, прежде всего позволяет рассмотреть эффективность проведенной реформы в человеческом измерении, на уровне мыслей, чувств и поведенческих реакций, вовлеченных в нее акторов. В контексте сказанного выше мы приходим к выводу, что продолжение эксперимента с выходом на третий цикл требует серьезной проработки вопроса о причинах и факторах, препятствующих раскрытию институционального потенциала районных советов, и, соответственно, разработки комплекса мер по стимулированию активности как самих депутатов, так и избирателей в использовании предусмотренных реформой преимуществ и возможностей. В целом же наш взгляд на перспективы данной институциональной конструкции скорее пессимистичен. Главная проблема — это отсутствие реальных заинтересованных субъектов в усилении гражданской активности и в наличии в распоряжении локальных внутригородских (и внутрирайонных) сообществ инструмента влияния на власть и оперативной связи с нею.

1. Абашкина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Сиверцев М. Политиками не рождаются: как стать и остаться эффективным политическим лидером. М.: Никколо М: Антиква», 1993. 221 с.

2. Власть в малом российском городе / под ред. А. Е. Чириковой, В. Г. Ледяева. М.: Изд. дом Высш. школы экономики, 2017. 414 с.

3. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018) / Отв. ред. книги Е. Б. Шестопа. М.: Весь мир, 2019. 656 с.

4. Выдрин О. В., Зорин В. А. «Спящая реформа»: практики внедрения двухуровневой системы местного самоуправления и формирования депутатского корпуса в городских округах // Политическая наука. 2021. № 2. С. 229—259.

5. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: веки исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

6. Кузнецов И. И. Институциональный подход к исследованию политического лидерства в России // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». 2011. Т. 11, вып. 2. С. 62—69.

7. Лассуэлл Г. Д. Психопатология и политика. Москва: Издательство РАГС, 2005. 352 с.

8. Ракитянский Н. М. Теоретические аспекты политико-психологического анализа современного политического лидерства // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. №1. С. 54—63.

9. Самсонова Т. Н., Шпуга Е. С. Политический лидер в эпоху глобализации // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. 18, вып. 2 (№ 71—72). С. 144—151.

10. Современная элита России: политико-психологический анализ / отв. редакторы Е. Б. Шестопа, А. В. Селезнева. М.: АРГА-МАК-МЕДИА, 2015. 448 с.

11. Сотник А. В. Парламентская субэлита российской империи: характеристика и эволюция // Вестник молодых ученых ПГНИУ. 2016. № 6. С. 194—202.

12. Шестопа Е. Б. Политическое лидерство и проблемы личности // Полис. 2011. № 2. С. 53—68.

13. Barber J.D. The Presidential character: predicting performance in the White House. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1973. 479 p.

14. Bass B. M. Leadership Psychology and Organizational Behavior. New York: Harper, 1960. 548 p.

15. Burns J. M. Leadership. New York: Harper & Row, 1978. 530 p.

16. Davies A. F. Skills, Outlooks and Passions: A Psychoanalytic Contribution to the Study of Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 522 p.

17. George A. L. Power as a Compensatory Value for Political Leaders // Journal of Social Issues. 1968. Vol. 24:3. P. 29—49.

18. Hermann M. Explaining Foreign Policy Behavior Using the Personal Characteristics of Political Leaders // International Studies Quarterly. 1980. Vol. 24. P. 7—46.

19. Stogdill R.M. Handbook of Leadership: A survey of theory and research. New York: The Free Press, 1974. 613 p.

20. Winter D.G., Hermann M.G., Walker S.G., Weintraub W. The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits, and Policy // Political Psychology. 1991. Т. 12. P. 215—243.

References

1. Abashkina E., Egorova-Gantman E., Kosolapova Ju., Razvorotneva S., Sivercev M. (1993) Politikami ne rozhdajutsja: kak stat' i ostat'sja jeffektivnym politicheskim liderom. Moscow, Nikkolo M, Antikva, 221 p. [in Rus].

2. Vlast' v malom rossijskom gorode (2017). Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly

jeconomiki, 414 p. [in Rus].

3. Vlast' i lidery v vosprijatii rossijskich grazhdan. Chetvert' veka nabljudenij (1993—2018) (2019). Moscow, Ves' mir, 656 p. [in Rus].

4. Vydrin O.V., Zorin V.A. (2021) «Spjashhaja reforma»: praktiki vnedrenija dvuhurovnevoj sistemy mestnogo samoupravlenija i formirovanija deputatskogo korpusa v gorodskih okrugah. *Politicheskaja nauka*, no. 2, pp. 229—259 [in Rus].

5. Gaman-Golutvina O.V. (2006) Politicheskie jelity Rossii: vehi istoricheskoy jevoljucii. Moscow, ROSSPJeN, 448 s. [in Rus].

6. Kuznecov I.I. (2011) Institucional'nyj podhod k issledovaniju politicheskogo liderstva v Rossii [Institutional approach of Russian political leadership research]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija «Sociologija. Politologija»*, vol. 11, no. 2, pp. 62—69 [in Rus].

7. Lasswell G.D. (2005) Psihopatologija i politika. Moscow, Izdatel'stvo RAGS, 352 p. [in Rus].

8. Rakitjanskij N.M. (2012) *Sovremennaja social'naja psihologija: teoreticheskie podhody i prikladnye issledovanija*, no. 1, pp. 54—63 [in Rus].

9. Samsonova T.N., Shpuga E.S. (2012) Politicheskij lider v jepohu globalizacii. *Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo*, vol. 18, no. 2 (71—72), pp. 144—151 [in Rus].

10. *Sovremennaja jelita Rossii: politiko-psihologicheskij analiz* (2015). Moscow, ARGAMAK-MEDIA, 448 p. [in Rus].

11. Sotnik A.V. (2016) Parlamentskaja subjelita rossijskoj imperii: harakteristika i jevoljucija. *Vestnik molodyh uchenyh PGNIU*, no. 6, pp. 194—202 [in Rus].

12. Shestopal E.B. (2011) Politicheskoe liderstvo i problemy lichnosti [Political leadership and personality problems]. *Polis*, no. 2, pp. 53—68 [in Rus].

13. Barber J.D. (1973) *The Presidential character: predicting performance in the White House*. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice-Hall, 479 p. [in Eng].

14. Bass B.M. (1960) *Leadership Psychology and Organizational Behavior*. New York, Harper, 548 p. [in Eng].

15. Burns J.M. (1978) *Leadership*. New York, Harper & Row, 530 p. [in Eng].

16. Davies A.F. (1980) *Skills, Outlooks and Passions: A Psychoanalytic Contribution to the Study of Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 522 p. [in Eng].

17. George A.L. (1968) *Journal of Social Issues*, vol. 24:3, pp. 29—49 [in Eng].

18. Hermann M. (1980) *International Studies Quarterly*, vol. 24, pp. 7—46 [in Eng].

19. Stogdill R.M. (1974) *Handbook of Leadership: A survey of theory and research*. New York, The Free Press, 613 p. [in Eng].

20. Winter D.G., Hermann M.G., Walker S.G., Weintraub W. (1991) *Political Psychology*, vol. 12, pp. 215—243 [in Eng].

For citing: Zorin V.A. Political leadership in the context of local self-government reform in Chelyabinsk: political and psychological analysis // *Socium i vlast'*. 2021. № 4 (90). P. 55—68. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-4-55-68.

UDC 316.46

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-55-68

POLITICAL LEADERSHIP IN THE CONTEXT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT REFORM IN CHELYABINSK: POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Vasiliy A. Zorin,
Chelyabinsk State University,
Head of Political Science
and International Relations Department,
Cand. Sc. (Political Science), Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: vaszorin@mail.ru

Abstract

Introduction. The paper contains political and psychological profiles of the local self-government deputies in the city of Chelyabinsk.

The purpose of the study is to examine how municipal reform in 2014 influenced institutional opportunities for creating a new model of political leadership in terms of its effectiveness on political and psychological level.

Methods. The author's approach is based on the combination of political and psychological techniques, such as qualitative content analysis, psychobiography and in-depth interview (for assessing politicians' images in mass consciousness).

Scientific novelty. The author presumes that political leadership is a complex phenomenon based on institutional and psychological factors. Its institutional framework for the purpose of the research is determined by the municipal reform. The deputies' psychological profiles are viewed as individual patterns of political behavior shaped as a result of adopting individual psychological characteristics to the demands of political role presumed by the reform's conceptual foundations.

Results. The data contain evidence that political and psychological profiles of the deputies under analysis in general lack features which make it possible to uncover the institutional potential of the reform. A new model of political leadership presumed by the reform's conception was supposed to possess such attributes as: 1) widening political representation; 2) enhancing effectiveness of communication between leaders and followers; 3) depoliticizing agenda. The analysis shows that deputies elected under reform on the "inner" level are rigid and reproduce inertial model of political behavior. On the "outer" level their perception is superficial and does not have explicit potential to improve due to revealed unconscious parameters.

Conclusions. Two electoral cycles within the reform did not fully reveal the leadership potential of the deputies. Therefore, the perspectives of its prolongation are viewed by the author as highly problematic.

Keywords:

political leadership,
sub-elite,
local self-government reform,
political personality,
political and psychological profile,
political perception,
politician's image